

Илья Фаликов

Вторая судьба

* * *

Брат! Такое большое количество чаек
на высокоугольных камнях
соответствует сумме кефалевых стаек,
угрожавших исчезнуть на днях.
Не оставит без блеска лазури бездонной
в акватории бухты ни дня
у Никольской часовни, вторично рождённой,
человеческая толкотня.

Глянь с канатки: мы все — муравьиные ровни,
и разлазается чеховский шпиц,
рассмотрев на камнях у Никольской часовни
слишком много прожорливых птиц.
Развелось всекитайское множество джонок,
и кефаль не колышет шаланд,
для аттической соли хватает солонок
в тех салонах, где пьют шоколад.

Но с учётом и прочих существ небестелых,
угодивших под огненный душ,
установлено равенство в наших пределах
жадных птиц и погубленных душ.
Равновесие, брат, существует в природе,
где всё меньше становится нас.
Ах, зачем состоишь ты не в нашем приходе?
Да и нас там не видно сейчас.

Фаликов Илья Зиновьевич — поэт, прозаик, эссеист. По образованию филолог. Автор десяти книг лирики, четырех романов в прозе, двух сборников эссеистики и четырех книг в серии «Жизнь замечательных людей». Лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

* * *

Я потом, я потом их сравню, эти два поднебесных платана,
но один из них был
твёрдым голосом Ю. Левитана —
и шаляпинский бас, и рокочущий в рост Маяковский,
старый лев, патриарх, стойкий звук
ломоносовско-росский.

А платан с бархатцой Челентано
был другим вариантом платана.

И летит мошкара, в том числе эти бледные строки,
и в корнях вековых перегнули цветы и пророки,
от которых отмерено летосчисление это.
С Днем защиты детей! Начинается лето.
Стонет ухо небес, и стенная трещит перепонка,
в повлажневших любимых глазах
застоялась потеря ребёнка,
опускаю свои, промерцавшие бегло,
и платаны летят в это бедное адское пекло.

Передых

А царь тут останавливался, а?
По ста ступенькам, статусным по-царски,
мешает повреждённая нога
взбежать на гору, в облако подсказки.
Велит стопе ступенька: ну-ка стой.
По камню палкой яростно ударя,
стою столбом на лестнице крутой,
построенной по воле государя.

По-видимому, тягостный подъём
продиктовал гранитную идею,
а мы бы отложили на потом,
подобным матерьялом не владея.
Над головой — иная высота,
которая всегда огнеопасна.
Но эта высота была взята.
И нас там не стояло, это ясно.

В злосчастном том году тридцать седьмом
царь посетил прекрасную Тавриду.
На синем небе, в облаке седом,
звенела пуля, ласточка по виду.
Вконец истомлены, на первый бал
летели стаи барышень кисейных,
а тот, кто с царской лестницы упал,
в пространствах обретается ничейных.

Да, мы с тобой — из вечно молодых.
 Но государь был несколько моложе.
 У подданных бывает передых.
 Но то не мы дежури́м в царской ложе.
 На жалобу, что путь наверх жесток,
 под сению́ дерев золоторогих
 ответит торжествующий поток
 бегущих к морю гурий белоногих.

* * *

У татарина, у хана, в море не было нужды.
 Были горы, были степи, огороды и сады.
 Но понадобилось море — торговать и воевать.
 Отыскали и поэта, чтобы это воспевать.
 Никого не оказалось у священного огня
 на отеческом Парнасе — кроме, кажется, меня.
 И когда меня позвали в град по имени Къырым,
 древнеримскую дорогу покрывал полынный дым.
 Дым полынный, дым зловонный, столбенеющий у гор.
 Я пошёл туда беспечно, не вернулся до сих пор.

Осень—58

Я — ржавый гвоздь, что идёт на гроба.
Б. Слуцкий

I did it my way!
Из песни

В океан распахнётся окно,
 и штормит в океане.
 Мне шестнадцать, а в Доме кино
 происходит собрание.
 Предпочтительней слушать The Voice
 of America — нравы
 припортовой шпаны повелось
 улушать с Окинавы.

Бормотать про четырнадцать лет,
 ВХУТЕМАС и так дале.
 Но другой открывается свет,
 океанские дали.
 Океан обещает улов,
 и прорыта траншея —
 с рифов тысяча конских голов
 выплывает, рыжая.

Острова, и в кругу сейнеров
 имя острова — Русский.
 На судебной трибуне суров
 обвинительный Слуцкий.

Ломим шведов, молотим врага
 в оппоненте бывалом.
 Вдалеке польхает тайга
 на валу огнепалом.

Из военного выйдя огня
 в окаянное поле,
 ничего ты не знал про меня,
 знаменитого в школе.
 Хрипом негра, игрой на трубе
 в заплочном эфире
 заражусь, чтобы спеть о тебе
 в перевёрнутом мире.

Разбивает прибой о скалу
 самобраную скатерть —
 соль стекла соберу на полу
 и не стану на паперть.
 Будем вбиты, по шляпку войдём
 в древо осени рыжей.
 Тот, кто сделался ржавым гвоздем,
 Сыну плотника ближе.

¹ Я сделал это по-своему (англ.). Песня «My way» (муз. Клода Франсуа, англ. текст — Пола Анки) наиболее известна в исполнении Фрэнка Синатры.

* * *

Чёрт нерусский, матрос, понаделал детишек с русачкой,
с эвенкийкой-полячкой, непонятных кровей сибирячкой.
Говорили по-русски. Говорили и пели по-русски.
В словаре застревали команды разгрузки-погрузки.
И портовый шалман, и китайцы Суйфунского рынка,
и таёжный шаман, и в звездах Голубинка-Орлинка.
Старый тигр уходил мимо лотоса, в зону женьшеня.
И хунхуз возникал, и звучала тюремная феня.
Партизанский проспект, и пучок азиатской бородки,
и в канаве мой труп под кастетом Корейской слободки.
Полюби меня, жизнь, за отчётливый знак вырождения
на светящемся лбу — рассекреченность происхождения.
Не по паспорту бьют, и под ильмом далёкого края
ходит первый олень, в удэгейскую дудку играя.

* * *

Пошёл на помойку, чтоб мусор
пристроить, убрать за собой,
пропитан муссоном, покусан
всей кровососушей ордой.
Уеду и больше не буду
дразнить заполночных собак.
Порожня стеклопосуда
со звоном отправится в бак.

И взятки по-прежнему гладки,
и заперты на ночь дворы,
и крики на детской площадке
лишь эхо дневной детворы.
И пластикового пакета
кончается купленный срок,
и тень одинокая эта,
и парус её одинок.

На лёгких, вдыхающих спёрто,
осела вселенская пыль.
На вызов до аэропорта
запаздывал автомобиль.
В полтретьего было безлюдно,
и тот ошибался впотьмах,
кто думал, что будет безлунно, —
глазаст человеческий страх.

Луна была красной, огромной,
нагорной — такая луна —
для слабых сердец неподъемной,
и смерть на природе красна.
Ты выпило кровь мою, лето,
и стеклопосуде пустой
в овраге остаться отпету
назначено красной луной.

* * *

Обвалился на горлицу ливень ночной,
окатил с высоты океанской волной,
неизвестно, чего он ещё натворит,
и, убежищем сделав пещерный кварцит,
запечаталась горлица.

Но тебе это нравится, ибо не в счёт
этот счёт горловой, чёрный час пронесёт,
не надышит в затылок большая вода,
и стоит за прилавком на рынке труда —
дочь оливы — глаголица.

Только это и помнится — долго лило,
неизвестно откуда и как рассвело,
не должно было этого произойти
в междугорье, где горлицу душат в горсти
духота и бескормица.

Между тем океан, упавая с небес,
через лес прошумел, никуда не исчез,
и вторая судьба — за невзрачной судьбой
следом — станет собой из худышки сырой,
постепенно оформится.

* * *

Переулок образует угол,
и поставлен в угол старый дом,
что давно отпел и отаукал.
В будущее верится с трудом.
Убежал от сноса и от слома,
выскочил из пятого угла,
слэму не оставил ни полслова,
и флешмоб журчит из санузла.

В небесах гремит телега тёзки,
хор антенн на крыше — буйный сад.
Очень скоро бронзовые доски
с древнего фасада полетят.

Он не заработал на лекарства
в дорогой аптеке за углом.
Ибо под охраной государства
всё равно получит снос и слом.
А пока стоит не без почета
там, где произвольно произрос,
во дворе упрятав за ворота
пару белокаменных берёз.

* * *

Видя сны о той, что рядом
спит и видит вещий сон
про меня, под звездопадом
остановленного садом —
голосом блаженных жён;
видя сны о той, с которой
на земле и в небесах
прожил век объектом скорой
помощи, за плотной шторой,
парой стрелок на часах, —
просыпаться не желаю
и не знаю, что прошло
по обрывистому краю
и разбилось, как стекло.

Как разбитое стекло,
как стеклянное крыло.

...Прожил век объектом скорой
помощи, в её руках,
за берёзой белокорой
рощи, выросшей в песках.
Не участвуя в пиаре,
и едали, и пивали
под развеянным кустом,
не желаячи — гуртом.

* * *

Смолкнет свет у тебя в темноте.
Ночь закончится сразу.
Дни не те или ночи не те?
Не хватает на фразу,
на лексему, на слово, на звук —
угасает в полёте
звёздный час, выпадая из рук,
состоящих из плоти.

Это старый, банальный мотив —
всё кончается, дескать,
недомучась и недолюбив.
Задержаться, помешкать,
чтоб стояла звезда, не упав,
и еловая лапа
ухватила тебя за рукав
в миг падения с трапа.

Теплоход назовётся «Эол»
и уйдёт без возврата.
Скрипок нет, и не слышно виол,
высота виновата.
В хороводе камен и харит
всё как прежде в ажуре,
и настенная лампа горит
в жестяном абажуре.

Притязаньем на бронзу и медь
надуваться негоже.
Недоспать, недопить, недопеть
не получится тоже.
Стар глагол, и мерцает металл
эхолотов и раций.
Это что тебе там наболтал
твой бесценный Гораций?